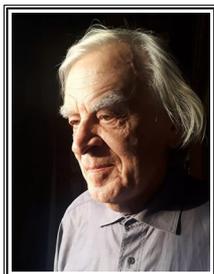

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Юрий ПОПОВ

Специалист отдела подготовки рукописей к изданию.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: popovy@mail.ru

ЛОСЕВ АЛЕКСЕЙ ФЁДОРОВИЧ

Алексей Фёдорович Лосев (10[22].09.1893, Новочеркасск – 24.05.1988, Москва), русский философ, филолог, писатель. Созданная им религиозно-философская концепция представляет собой уникальный синтез переосмысленной многовековой традиции античной и средневековой мысли (Платон и неоплатонизм, христианское апофатическое богословие Дионисия Ареопагита, Григория Паламы, Николая Кузанского), методологии новоевропейской философии (немецкий классический идеализм, неокантианство, феноменология Э. Гуссерля) и проблематики русской религиозной философии конца XIX в. – начала XX в. от Вл.С. Соловьёва (идея всеединства) до П.А. Флоренского. В конструктивном оформлении этой концепции центральное место занимает диалектика, в многомерном построении которой каждая категория и все они вместе прорабатываются в свете каждой другой. Персоналистическая онтология Лосева лежит в основе его философии языка (именование как интерпретативно-коммуникативное самовыявление личности), философии мифа как самобытной формы личностного мировосприятия (миф как первичная непосредственно переживаемая и творимая реальность, символически выраженная), эстетики (художественная форма есть «личность как символ и символ как личность»). Лосев явился основоположником философии музыки в России. Созданная им многотомная история античной эстетики представляет собой историю всей античной культуры, раскрытой в её символически-

выразительных аспектах. В целом работы Лосева, представителя последнего поколения Серебряного века русской культуры, стали своеобразным завершением православной религиозной философии в России XIX в. – начала XX в.

Ключевые слова: русская религиозная философия, А.Ф. Лосев, философия мифа, философия имени, язык, диалектика, личность, персонализм, символ, античная эстетика

Алексей Фёдорович Лосев: биография

Лосев Алексей Фёдорович (10[22].09.1893, Новочеркасск – 24.05.1988, Москва), русский философ, филолог, писатель. Созданная им религиозно-философская концепция представляет собой уникальный синтез переосмысленной им многовековой традиции античной и средневековой мысли (Платон и неоплатонизм, христианское апофатическое богословие Дионисия Ареопагита, Григория Паламы, Николая Кузанского), методологии новоевропейской философии (немецкий классический идеализм, неокантианство, феноменология Э. Гуссерля) и проблематики русской религиозной философии конца XIX в. – начала XX в. от Вл.С. Соловьёва (идея всеединства) до П.А. Флоренского.

Отец Лосева – учитель математики, скрипач-виртуоз; рано покинул семью; дед по матери был потомственным священником. В 1903–1911 гг. Лосев учился в классической гимназии в Новочеркасске, одновременно (с 1908 г.) закончил частную музыкальную школу по классу скрипки итальянского педагога Ф. Стаджи. Ещё в гимназии у него возник интерес к античности, а затем и к философии после чтения сочинений Вл. Соловьёва.

В 1911 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который закончил в 1915 по двум отделениям – философскому и классической филологии. С 1911 г. участвовал в заседаниях Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва вплоть до его закрытия в 1918, где познакомился с философами С.Л. Франком, С.Н. Булгаковым, о. Павлом Флоренским, Е.Н. Трубецким, Н.А. Бердяевым, Вяч. Ивановым, И.А. Ильиным и др. В дальнейшем наиболее близкие отношения сложились у Лосева с Франком, высоко оценивавшим работы Лосева 1920-х гг. [51, с. 46–50].

Ещё студентом был принят в основанный Г.И. Челпановым Психологический институт при Московском университете, где занимался экспериментальным исследованием эстетического ритма. В начале июля 1914 г. был послан в Берлин для занятий в берлинских библиотеках в связи со своей работой о Вюрцбургской психологической школе, но с началом Первой мировой войны вскоре вынужден был вернуться.

В 1915 г., защитив дипломную работу «О мироощущении Эсхила», получившую одобрение Вяч. Иванова, был оставлен при кафедре класси-

ческой филологии для подготовки к профессорскому званию. В 1916 выходят его первые статьи – «Эрос у Платона», «Два мироощущения» (о «Травяте» Дж. Верди), «О музыкальном ощущении любви и природы» (в связи со «Снегурочкой» Н.А. Римского-Корсакова).

В 1918–1922 гг. участвует в заседаниях созданной Бердяевым Вольной академии духовной культуры, философского общества им. Л.М. Лопатина, Психологического общества при Московском университете; выступает с докладами о философии Платона и Аристотеля. В 1918 г. совместно с С.Н. Булгаковым и Вяч. Ивановым пытается осуществить выпуск серии книг по русской религиозной философии «Духовная Русь» [51, с. 59–85]. В 1919 г. в Цюрихе в сборнике “Russland” выходит статья Лосева «Русская философия» на немецком языке. Он завершает «Исследования по философии и психологии мышления», содержащие критический анализ концепций Вюрцбургской школы (опубликованы в 1999 г.).

В 1919–1921 гг. – профессор университета в Нижнем Новгороде. В 1922–1929 гг. – профессор Московской консерватории, где читает курс истории эстетических учений. В 1923–1929 гг. – действительный член Государственной Академии художественных наук, где им был прочитан 41 доклад.

Будучи, как и о. Павел Флоренский, активным сторонником имяславия – религиозного почитания имени Божия, – Лосев выступает с докладами на собраниях московского кружка имяславцев. Сближается с афонским иеромонахом о. Давидом (Мухрановым), который становится духовником Лосева и его жены – математика и астронома В.М. Лосевой (1898–1954), и в 1929 г. совершает тайный монашеский постриг их с именами Андроник и Афанасия.

Во 2-й половине 1920-х гг. выходят основные работы Лосева, где он выступает как «философ имени, числа, мифа» [48]: в 1927 – «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Философия имени», «Диалектика художественной формы», в 1928 – «Диалектика числа у Платона», в 1929 – «Критика платонизма у Аристотеля», в 1930 – «Очерки античного символизма и мифологии» и «Диалектика мифа». В 1929 г. избран членом Кантовского общества в Берлине.

Публицистические вставки в «Диалектику мифа», сделанные Лосевым в обход цензуры, послужили поводом для его ареста (а затем и его жены) по обвинению в причастности к «монархической» организации «Истинно-православная церковь». По приговору Лосев получил 10 лет лагерей, В.М. Лосева – 5 лет. После полугодового пребывания во внутренней тюрьме на Лубянке он был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала (В.М. Лосева в Сиблаг, их письма из лагерей см.: [45]), по окончании которого в 1933 г. был досрочно освобождён вместе с женой за «ударный труд» и по инвалидности (работая в лагере на сплаве леса, Лосев заболел ревматизмом и почти ослеп).

После возвращения в Москву Лосев возобновляет научные занятия, продолжает писать начатую ещё в лагере философскую прозу (полностью

собрана в кн. «Я сослан в XX век...» [18; 19]). Ему запрещено заниматься философией, разрешена только античная эстетика и мифология, однако опубликовать подготовленные им большие работы в этой области не удаётся. В 1937 г. выходят его перевод и комментарии трактатов Николая Кузанского. Не имея постоянного места работы, работает почасовиком в московских вузах, выезжает на экзаменационные сессии в провинциальных институтах.

В 1942 г. стал преподавать логику на философском факультете МГУ, вёл семинар по Гегелю, однако в 1944 был уволен как идеалист и переведён в Московский городской пединститут им. В.И. Ленина, где до конца жизни преподавал классическую филологию и языковедение. В 1943 г. по совокупности работ ему было присвоено звание доктора филологических наук (*honoris causa*). В 1944 в дом Лосевых приходит аспирантка кафедры классической филологии А.А. Тахо-Годи, ставшая после кончины В.М. Лосевой спутницей жизни Лосева и хранителем его наследия.

В 1953 г. в «Учёных записках» пединститута опубликована «Олимпийская мифология в её социально-историческом развитии» – первая печатная работа Лосева после 23-летнего перерыва. В 1957 выходит «Античная мифология в её историческом развитии». В 1963 начинает издаваться его восьмитомная «История античной эстетики» в 10 книгах (публикация завершена в 1994 г.). Большой цикл статей был написан Лосевым для «Философской энциклопедии» (1960–1970), для 4-томного Собрания сочинений Платона (1968–1972). В 1968 г. выходит «Введение в общую теорию языковых моделей», в 1976 — «Проблема символа и реалистическое искусство», в 1978 — «Эстетика Возрождения». Вышедшая в 1983 г. в популярной серии «Мыслители прошлого» небольшая книга о Вл. Соловьёве, подвергшаяся цензурным сокращениям и затем оказавшаяся под запретом, переросла затем в обширный труд «Вл. Соловьёв и его время», опубликованный в 1990 г. уже после смерти автора. В 1985 г. за вышедшие к тому времени 6 томов «Истории античной эстетики» Лосеву была присуждена Государственная премия СССР по философии.

Сочинения

«Античный космос и современная наука». Работа создавалась в 1-й пол. 1920-х гг., завершена в 1925, издана в 1927 г. Это первый опубликованный фундаментальный труд Лосева, уже содержащий основополагающие понятия его системы. Ставя своей задачей исследование «пространственно-го формообразования космоса в древнегреческой диалектике» [20, с. 66] на основе учений Платона, Плотина, Прокла и отчасти Николая Кузанского, главными вехами этой реконструкции он называет три категории – «имя, число и вещь»: космос «есть вещь, устроенная числом и явленная в своем имени» [20, с. 67]. Предварительная характеристика греческой

диалектики (1-я глава) переходит в систематическое изложение её категориальной структуры (2-я глава: «Диалектика тетрактиды А»), на основании которой конструируется космос, в разной степени воспроизводящий эту идеальную категориальную определённую (3-я глава: «Диалектика тетрактиды В»). При этом различные аспекты этой диалектики космоса сопоставляются с данными современной науки: космос как потенциально бесконечно делимый и в то же время неделимо, целиком присутствующий в любой из своих частей, – с делимостью атома в современной физике; разные степени скорости и напряжённости движения в космосе – с современными учениями об электромагнитном поле и действии электронов на расстоянии; космос как система неоднородных пространств (мифологически явленная в виде земли, воды, воздуха и огня) и ритмическая система неоднородных времён – с современной теорией относительности времени и пространства.

«Музыка как предмет логики». Работа написана в первой половине 1920-х гг., опубликована в 1927 г. Состоит из трёх глав.

В первой главе излагается «феноменология абсолютной, или чистой, музыки с точки зрения абстрактно-логического знания». Характерный для рассудочного знания закон основания с его требованиями чёткой раздельности и дискретности отдельных частей бытия в приложении к музыке модифицируется в «закон слитости и взаимопроникнутости» [42, с. 468] непрерывно рождающихся самопротивоборствующих моментов музыкального бытия. Глава завершается «музыкальным мифом» – описанием экстатического переживания музыкального «Хаокосмоса», представленного произведениями Бетховена, Вагнера, Скрябина, Римского-Корсакова и др., переживания, в котором слиты радость и скорбь, страдание и наслаждение.

Во второй главе («Логика и математика») устанавливается общность музыки и математики как имеющих дело с идеальной предметностью числа (особенно в математическом учении о функциях, т.е. о становящемся числе) и их различие, заключающееся в способе конструирования этой предметности в сознании (логическом – в математике, «выразительно-символическом» – в музыке).

В третьей главе «Логика музыкальной формы» музыка – искусство времени – рассматривается как «выражение жизни числа» [42, с. 549], и в качестве различных аспектов выражения этой «числовой фигурности» выводятся категории ритма, метра, мелодии и гармонии, а также темпа, высоты, тональности и др. В завершающей небольшой 4-й главе выявляется логическая структура «золотого сечения» и «метротектонизма».

«Философия имени». Работа была завершена в 1923 г., вышла в 1927 г. При подготовке к изданию Лосев написал предисловие полемического характера с защитой своего понимания диалектики. В работе развивается онтологическое понимание языка и слова (имени) как «арены встречи» двух «энергий», исходящих из предмета («предметной сущности»)

и из человеческого сознания. Рассматривая имя как «максимальное напряжение осмысленного бытия вообще», Лосев считает философию имени «самой центральной и основной частью философии вообще» [20, с. 746].

Работа состоит из четырёх разделов: в 1-й главе излагается «до-предметная структура имени», во 2-й главе – «предметная структура имени», в резюмирующей их 3-й главе («до-предметная и предметная структура имени») содержится «дедукция всех моментов имени» (обзор выделенных Лосевым 67 моментов). В 4-й главе («Имя и знание») намечается основанная на анализе слова классификация наук [20, с. 765–796].

К «Философии имени» примыкает написанная в конце 1920-х гг. работа «Вещь и имя», акцентирующая коммуникативную сторону языка [её публикации см.: 20, с. 613–801; 25 (первая редакция); 21 (дополнена главой «Из истории имени»)].

«Диалектика художественной формы». Работа опубликована в 1927 г. Состоит из трёх разделов. В первом («Основные определения») анализ художественного выражения предваряется изложением общей системы категорий диалектики (тетрактиды, подробно описанной в работе «Античный космос и современная наука»), специфическими модификациями которых являются эстетические категории, и завершается персоналистическим определением художественной формы: она есть «личность как символ или символ как личность», ибо «искусство есть жизнь личностей» [42, с. 46–47, 188].

Во втором разделе «феноменологическая диалектика понятия художественной формы» раскрывается в характеризующих её антиномиях «факта», понимания (или выражения), смысла, мифа, «адекватности» и «изоляции» (или «изолированной автаркии»).

В третьем разделе («Переход к частной эстетике») даётся разветвлённая классификация видов художественной формы по различным основаниям (формы «эйдетические», «мифические», «персонные», «символические»).

Многочисленные примечания, составляющие половину всего текста, содержат обширные экскурсы в историю диалектики и её основополагающих категорий в античной (неоплатонической) и немецкой философии и эстетике конца XVIII в. – XIX в.

«Диалектика числа у Плотина». Работа была завершена в 1925 г., вышла в 1928 г. Лосев рассматривает место числа в неоплатонической иерархии универсума, где оно следует сразу за сверхсущим Единым, предшествуя дальнейшим ступеням ума-нуса, мировой души и чувственного космоса, которые оно оформляет в качестве энергии «самопорождающегося смысла» [37, с. 766], «принципа» их осмысленного бытия [37, с. 775]. Лосев чётко отделяет понятие «идеального числа» от количества как «одной из форм функционирования числа в материи», появляющейся на стадии осмысления «дискретной раздельности чувственной и иной вещи» [37, с. 782]. Идеальное («сущностное», «умное») число всегда есть некое неделимое целое «одно», «единица», несоизмеримая индивидуальность

(аналогом этого неоплатонического «числа» как «актуальной бесконечности» [37, с. 789] выступает у Лосева понятие «множества» в математической теории Г. Кантора), и эта «объединённость» («цельная собранность множественного» [37, с. 746–747]) может включать в себя сколь угодно количество частей, элементов (и тогда и $2=1$, и $3=1$, и $10=1$ и т.д.), подлежащих «очислению», которое и относится к сфере количества («арифметического числа»).

Работа содержит также выполненный Лосевым интерпретирующий перевод трактата Платона «О числах» («Эннеады» VI 6).

«Очерки античного символизма и мифологии». Опубликованы в 1930 г., подводят итог занятий Лосева философией Платона в течение 15 лет [41, с. 694–708].

Состоят из шести разделов. В первом разделе «Происхождение античного символизма» рассматриваются концепции античности в немецкой философии и эстетике XVIII в. – начала XX в.; завершается общей характеристикой античного символического понимания бытия как «осмысленно-телесного изваяния» [41, с. 96]. Далее рассматриваются «Символическо-мифологические черты в до-сократовской философии» (2-й раздел), «Терминология учения Платона об идеях» (3-й раздел).

В 4-м разделе «Учение Платона об идеях в его систематическом развитии» Лосев выделяет 5 ступеней в интерпретации этого учения: «наивно-реалистическую», «описательно-феноменологическую» (знание, смысл в их полной чистоте и «отграниченности от всяких других видов действительности» [41, с. 312]), «трансцендентальную» (идея и действительность в их «смысловой взаимосвязи», или «символ как трансцендентальный принцип» [41, с. 365, 367]), «диалектическую» (взаимопорождение категорий, «координированной раздельности смысла» из самопротиворечия сверх-сущего Единого [41, с. 481, 486]).

В 5-м разделе «О мифически-трагическом мировоззрении Аристотеля» понимание трагического у Аристотеля реконструируется на основе всей его философии (прежде всего «Метафизики»), а не только «Поэтики», ограниченной лишь формальными проблемами трагедии.

В 6-м разделе «Социальная природа платонизма» Лосев характеризует описанное в социальной утопии Платона государство как «статуарное единство» [41, с. 808], которому подчинено всё частное и индивидуальное («полное поглощение личного общим» [41, с. 811]). Наряду с языческим платонизмом Лосев рассматривает различные варианты христианского платонизма, противопоставляя византийско-православное его понимание латинско-католическому и протестантскому.

«Диалектика мифа». Написана в 1927 г., издана в 1930. Подготовленные осенью 1929 г. «Дополнения» к «Диалектике мифа» не получили разрешения Главлита на публикацию. Некоторые из фрагментов этих «Дополнений», вставленные Лосевым при подготовке книги к печати в обход цензуры, послужили поводом для его ареста, а тираж книги вскоре после

издания был конфискован. Наиболее полный свод выявленных в 2001–2018 гг. в различных архивах неизвестных прежде фрагментов «Дополнения» представлен в издании 2021 г.

«Диалектика мифа» стилистически сильно отличается от предшествующих трудов Лосева с их сложной философской терминологией. Лосев в общедоступной форме излагает здесь одно из основополагающих понятий своей философии. Миф рассматривается им как символически выраженная непосредственно переживаемая реальность в её предельной конкретности. Он отмечает «вне-научность» мифа, выявляет сходство и различие мифологии и поэзии, мифологии и религии, формулирует понятие чуда как своеобразной мифической, или личностной, целесообразности (в отличие от целесообразности практической). В заключение выдвигается идея «абсолютной мифологии», содержащей в себе все те принципы, которые односторонне гипостазируются в различных «относительных мифологиях».

В 1994–2006-х гг. работа была переведена на немецкий, испанский, сербский, венгерский, болгарский, английский, японский языки.

«Самое само». Работа написана после возвращения из лагеря в начале 1930-х гг., в содержащейся в ней разработке категорий «абсолютной диалектики» примыкает к аналогичным по проблематике работам 1920-х гг. Состоит из 4-х разделов. В первом разделе («Вещь») утверждается абсолютная индивидуальность всякой «вещи» (в том числе и таких «вещей», как Я, мир, Бог), несводимость её к каким-либо отдельным признакам или к их совокупности, её определимость только из себя самой и её абсолютная невыразимость в её «самости» («самоем самом»), в силу чего всякая вещь есть предмет бесчисленных интерпретаций. Исходя из того, что «всё существующее есть символ абсолютной самости», в последующих разделах рассматриваются «бытие» вещи (2-й раздел), «сущность» этого бытия (3-й раздел) и «смысл» вещи (4-й раздел). (Впервые опубликована: [37, с. 299–526].)

«История античной эстетики». Монументальный труд, состоящий из 8 томов в 10 книгах, представляет собой по существу исследование всей античной культуры (прежде всего мифологии, философии и искусства, но также морали, религии, учений о человеке, природе и обществе и т.д.) в её «эстетических», т.е. «символически-выразительных» аспектах. Эстетика рассматривается как интегральная часть античной культуры, в этом существует определённая преемственность с работами Лосева 1920-х гг., прежде всего с «Очерками античного символизма и мифологии», исходившими из того, что «принципиально не может быть у греков такой философии, которая не была бы эстетикой, и такой эстетики, которая не была бы в то же время философией, и именно “первой философией”» [41, с. 87], и где была поставлена задача создания типологии и «конкретной, выразительной физиогномической морфологии» античности [41, с. 708].

Хронологически работа охватывает тысячелетнюю историю античной культуры, в философско-эстетическом развитии которой Лосев выделяет

период классики (от досократиков до Аристотеля) с его полным господством объективных принципов в истолковании космоса [34, с. 451], периоды раннего и среднего эллинизма (стоики, скептики, эпикурейцы) с выдвижением на первый план человеческого субъекта [34, с. 461] и период позднего эллинизма (неоплатонизм с его диалектикой сверхсущего первоединства [34, с. 471]). В истории классики на основе структурно-смысловых принципов, характерных для различных её этапов, Лосев выделяет: интуитивный гилозоистический космологизм досократиков (ранняя классика) с центральным принципом переходящих друг в друга «элементов» («стихий» земли, воды, воздуха, огня и эфира); дискурсивный антропологизм софистов и Сократа (средняя классика) с центральным принципом «логоса» как нераздельного единства слова и мысли; спекулятивную стадию зрелой (Платон) и поздней (Аристотель) классики с центральными принципами эйдоса-«идеи» в «категориально-диалектической» методологии Платона и эйдоса-«формы» в «дистинктивно-дескриптивной» методологии Аристотеля.

В последнем, 8-м томе (кн. 1 и 2) даётся очерк истории и общая сводка античной философско-эстетической терминологии.

В отталкивании от воспринятой Лосевым словесности русского символизма сложился его экспрессивный стиль с характерными для него резкими перепадами, сменой академического изложения разговорными интонациями, лирическими и публицистическими отступлениями, иронически обыгранными обращениями к воображаемому собеседнику и оппоненту.

Абсолютная диалектика

В созданной Лосевым концепции «феноменолого-диалектического символизма» (Б.В. Яковенко) центральное место занимает диалектика, предвараемая феноменологическим первичным «видением» предмета, дотеоретическим описанием его «наглядно осязаемой смысловой структуры» [42, с. 165, 584; 20, с. 768].

Диалектика, основными источниками которой явились «Парменид» Платона, «Эннеады» Плотина, «Наука логики» Г.В.Ф. Гегеля, рассматривалась им как система «закономерно и необходимо выводимых антиномий» и их «синтетических сопряжений», охватывающая все возможные типы бытия и приложимая к любому предмету и любой сфере человеческого опыта, как «смысловой скелет вещей, обуславливающий сам себя и ни от какого содержания вещей не зависящий» [20, с. 616]. В её конструктивном оформлении Лосев переосмыслил воспринятый им принцип триады – неоплатонической (пребывание – выхождение – возвращение) и гегелевской (тезис – антитезис – синтез).

Исходная предпосылка диалектики у Лосева – восходящее к сверхбытийному и сверхмыслимому Единому Платона и неоплатоников «Одно» как

некое сверхлогическое «абсолютное Сверх», недоступное «никакому восприятию и мысли», «никакому диалектическому рассуждению» [36, с. 379]; в более поздней терминологии – «самое само» как явленная в её бесчисленных, символических по своему характеру интерпретациях «абсолютная индивидуальность вещи», несводимой в её «непознаваемой глубине» ни к каким её признакам и предикатам, «абсолютный первопринцип всего сущего и не-сущего, в том числе и себя самого» [37, с. 339].

От этого неизреченного апофатического «Одного» Лосев отличает «одно» как «начало диалектического ряда», его смысловым порождением предстают следующие понятия первичной триады у Лосева – бытие (нечто, или «одно сущее», предполагающее отличное от него «иное») и становление как синтез сущего и не-сущего, бытия и небытия («одно сущее в ином»). Эта исходная триада дополняется четвёртым началом, фиксирующим её осуществление (ставшее, факт, субстанция), и затем пятым началом, запечатлевающим её выражение (символ, имя), образуя соответственно тетрактиду и пентаду. При этом по отношению к четвёртому и пятому началам первичная триада выступает как нечто единое («сфера чистого смысла»), образуя тем самым с ними вторую триаду.

Бытие-сущее – второе начало первичной триады, описываемое с помощью платоновских категорий тождества, различия, движения и покоя («Парменид», 155e – 157b, «Софист», 253d – 256d), предстаёт в своей антиномичной структуре как «единичность подвижного покоя самотождественного различия» (Лосев называет это эйдосом – «смысловым изваянием», «явленным ликом» вещи, или сущности, диалектика же есть «логос», логическое конструирование эйдоса, его «категориальной определённости» [20, с. 69, 70, 684, 707]).

Переход к бытию от сверхсущего «Одного» фиксируется в понятии «числа» как самого первого принципа формы, расчленения, оформления вещи внутри себя. «Одно» полагает иное и в аспекте этого «самооформления и самоосмысления» [36, с. 384] полагает себе границу, получает раздельность, оно счисляемо, и этот акт смыслового полагания есть число [23, с. 50–52]. В отличие от Гегеля число не смешивается у Лосева с количеством и не помещается после качества, но «идеальное число» как некое неделимое индивидуальное целое («множество как единичность», «генада» [37, с. 815]; аналог его Лосев усматривает в понятии «множества» в математической теории Г. Кантора) предшествует всякому качеству, количество же («арифметическое число») как одна из форм проявления числа в инобытии, в материи [23, с. 53; 37, с. 782] предстаёт просто как «сочисланность чего-то качественного» [37, с. 423–425].

В многомерной «абсолютной» диалектике Лосева её категории не просто выводятся одна из другой, но каждая из них и все вместе прорабатываются в свете каждой другой (разветвлённую систему категорий диалектики [см.: 37, с. 270]). Так, субстанция как «носительница и осуществительница триединого смысла» модифицирует входящие в её состав члены первичной

триады: «одно», данное как «одно субстанции», в этом субстанциальном аспекте предстаёт как основа, или основание; бытие, сущее в своём субстанциальном аспекте в качестве устроенного бытия выступает как форма; становление в качестве субстанциального становления есть действие. Внутри этой триады («основа-форма-действие») «в недостижимой глубине бьётся её апофатически-смысловой пульс» сверхлогического начала [36, с. 381].

В центре второго ряда диалектики – второе начало первичной триады – бытие, сущее. Взятое в качестве «одного», в аспекте «одного», оно тоже даёт бытие, но уже бытие, соотносящееся с собою, и это самоотнесённое бытие («бытие-для-себя») есть сознание, «интеллигенция» (Лосев употребляет этот термин вместо традиционного понятия «созерцание», утратившего, по его мнению, свою чёткость). Понятие «интеллигенции» (диалектика «для-себя-бытия») проводится Лосевым по отношению ко всем членам пентады. Если абсолютное «Одно» выше «интеллигенции» и является её основой, то второе начало тетрактиды является носителем её самоотнесённости: это сознание, имеющее предметом само себя, т.е. это самосознание, «самосозерцание», «Ум» (в его антично-средневековом понимании как «духовное средоточие» [36, с. 442]), мыслящий самого себя и данный самому себе «сразу целиком и непосредственно», «во мгновение ока» [36, с. 398].

Третье начало первичной триады – становление смысла – с точки зрения «интеллигенции» представляет собой «постоянный процесс созидания, рождения смысла» [36, с. 403]. «Ум», погружаясь в процессе становления смысла в иное, мыслит уже не только себя, но и нечто представляющееся ему внешним по отношению к себе («субъект-объектное противостояние» [36, с. 405]). В случае же полной захваченности иным «Ум» видит только «чистую текучесть смысла», вне какого-либо устойчивого оформления («неразличимый поток ощущения», в котором сливается «внутреннее» и «внешнее», «субъект» и «объект» [36, с. 406, 408]). Таким образом, третье начало из становления смысла превращается в «действие смысла», или в «жизнь», которая в качестве «самоощущения» есть «погружение в иное себя до самозабвения» [36, с. 409–410].

Четвёртое начало в аспекте «интеллигенции» есть ощущение триадой себя как факта, «ощутимая самослиянность» триады, её «тело». В отличие от «в-себе-бытия» субстанции, или факта, «тело» в качестве носителя «интеллигенции» есть «для-себя-бытие» [36, с. 411–412].

Пятое начало, символ, соотносящий смысл первичной триады с субстанцией (четвёртым началом), есть понимание, которое всегда представляет собой символическое, т.е. «выразительное», мышление.

В центре третьего ряда диалектики – третье начало первичной триады. Становление, рассмотренное в аспекте всей сферы самосознания, взятой целиком в её утверждении не внутри себя, но вовне, в её противостоянии иному, даёт категорию «стремления», или «влечения» («душа» как «поток», «вечно напряжённое алогическое становление» [36, с. 442]).

В «стремлении» происходит объединение «в-себе-бытия» первого ряда категорий и «для-себя-бытия» второго ряда: в этой «диалектике в-себе-и-для-себя-бытия» есть синтез стремящегося Одного и результата этого стремления – самосознательно стремящегося к себе смысла» [36, с. 417]. Переход «стремления», «души» в ставшее даёт категорию «чувства», которое, как и «ум», «направлено на само себя, имеет объектом само себя», но в качестве стремления «постоянно влечётся к себе». «Чувство есть поэтому круговращение интеллигенции уже в себе самой, подвижный покой ума и влечения, данных как нераздельное, но развёрнутое тождество» [36, с. 445].

Четвёртое начало диалектики – ставшее, субстанция, факт – в процессе своих различных модификаций предстаёт как «тело», затем как рождающееся и рождённое «живое существо» и, наконец, как «личность» («бытие-для-себя-и-для-иного») – такое ставшее, которое вмещает в себя и «чистый Ум, и чистое Стремление» и является «сразу и Телом, и Живым Существом, и Пониманием и Словом» [36, с. 432].

Пятое начало диалектики – выражение, символ, – дошедшее таким образом «до степени Понимания и Слова», становится «Словом Личности», открывающим её сущность, и «такое Слово, которое исходит от живой Личности, есть Имя» [36, с. 433].

Персонализм и философия имени (ономатодоксия)

Персоналистическое понимание бытия у Лосева («наиболее конкретна и реальна личность, а также среда, где личность живёт и действует – общество» [37, с. 296]) исходит из понимания Первосущности как христианской Абсолютной Личности в отличие от безличного неоплатонического Единого и гегелевской абсолютной идеи (гегелевское понятие «абсолютного духа» Лосев истолковывает именно как «личность» [31, с. 614]). В христианском догмате о Троице Лосев опознаёт имплицитно содержащееся в нём четвёртое («софийное») начало субстанциальной осуществлённости и пятое («ономатическое») начало выражения, представленное предвечным нетварным Именем Божиим. Отстаивая в развиваемой им диалектике имени принципы имяславия, «ономатодоксии» («Имя Божие есть сам Бог, но Бог сам – не имя», – письмо Флоренскому от 30.01.1923 [36, с. 275–277]), Лосев возводил их к утверждённому в качестве православной доктрины учению Григория Паламы о непостижимой сущности Бога и исходящих от Него нетварных энергиях, пронизывающих мир и сообщаемых человеку.

Философия имени выступает у Лосева как «центральная и основная часть философии вообще» [20, с. 746], поскольку именование рассматривается им как фундаментальный принцип бытия, начиная от безмолвного сокровенного имени самой Первосущности (её высшего выражения)

и кончая именами, сообщаемыми творимому ею миру. Ибо назвать для Первосущности – «значит сотворить. Помянуть что-нибудь... значит спасти его» [37, с. 227]. «Весь мир, вселенная есть имя и слово» [20, с. 734]. Общенье с Первосущностью возможно только через её имя, которое «ни в каком случае не есть имязвучие... разнозвучие в языках указывает лишь на разное понимание и называние одного и того же имени» [37, с. 227]. Тварное бытие держится энергией, исходящей от Первосущности, существует «в порядке причастия к её имени», но оно причастно к ней в разной степени, что обуславливает различную интенсивность этого бытия (различную напряжённость, неоднородность пространства, времени, космоса в целом, представляющего собой «лестницу... разных степеней жизненности или затверделости слова» [20, с. 734–735]).

В слове (имени) Лосев выделял «три основные стихии: 1) смысловую предметность, 2) понимание её, 3) физико-физиолого-психологическую фактичность» [42, с. 42]. Имя рассматривается Лосевым как «смысловая энергия» предметной «сущности» («вещи» – в более поздней терминологии [20, с. 911]), неотделимая и в то же время отличная от неё, как орудие взаимного общения и взаимопонимания между ней и всем окружающим, наконец, как предел её активного «смыслового самооткровения» [20, с. 841]. Понимание, или выражение, есть «арена встречи двух энергий, объективной – предметности и субъективной – человеческого сознания» [42, с. 42]. Эту арену встречи Лосев называет «идеей» слова. Человеческое сознание может «бесконечно разнообразно понимать один и тот же предмет», и этот конкретный образ понимания предмета, его осуществившейся модификации в сознании субъекта Лосев называет «чистой ноэмой слова» [42, с. 42]. Связь её с определёнными звуками, красками, жестами и т.д. Лосев называет «семемой слова», выделяя три её аспекта – звуков, красок и т.д. самих по себе (фонематическая семема), как обозначающую тот или иной момент понимания (символическая семема) и как обозначающую понимание предметности в его целостности (ноэматическая семема) [42, с. 42–43]. В предметной сущности слова Лосев акцентировал апофатический момент, который проявляется в различных смысловых данностях, или символах, и в качестве «неисчерпаемого источника для всё новых и новых обнаружений» определяет ту или иную степень «символичности бытия» («символ живёт антитезой логического и алогического» [20, с. 696, 699]).

Интерпретативно-коммуникативная природа языка как «практически осуществлённого мышления» и как «орудия общения и сообщения» раскрывалась Лосевым и в его работах по языкознанию 1940–80-х гг. (язык как единство выражения и извещения смысла – для «другого» и для самого себя). В числе важнейших «приёмов коммуникации» живого языка Лосев выделял интонацию и экспрессию, в зависимости от которых «одно и то же слово или группа слов может быть повествованием, вопросом, побуждением, удивлением, пожеланием, мольбой, приказанием» [24, с. 22]. Интерпретативными по своему характеру являются «валентность» каждого

языкового элемента (его потенциальная «бесконечная смысловая заряженность») и специфическое для каждого естественного языка сложное «переплетение логических и коммуникативных значений», когда предметно-смысловое содержание может быть истолковано в разных его аспектах (запечатлённых, в частности, в этимологии) и в разных модусах понимания (например, действие как субстанция и как качество в словах «хождение» и «ходящий», грамматическая категория настоящего времени в значении прошлого или будущего и т.п. – «О коммуникативном значении грамматических категорий» [25, с. 309–342]).

Философия мифа

Образом бытия личности, её неотделимым и отличным от неё «ликом» (её «смысловым явлением») выступает у Лосева миф. Миф в понимании Лосева – это не выдумка и фантазия, не примитивно-научное или метафизическое построение, не поэтический образ и т.п., но первичная жизненно переживаемая и творимая «подлинная и максимально конкретная реальность» [22, с. 59], символически выраженная; это дорефлективное интуитивное взаимоотношение субъекта и объекта, заключающее в себе свою собственную истинность и достоверность. Миф есть «личностная форма», и в контексте личностного бытия всякая вещь может стать мифом.

Лосев разграничивает понятия мифа и религии. Если специфический миф религии представляет собой «субстанциальное самоутверждение личности в вечности» [22, с. 143], предполагающее её спасение, выход из сферы «ущербного бытия», то миф как таковой есть лишь «энергичное самоутверждение личности» в её «выявительных и выразительных функциях» безотносительно к взаимоотношению вечности и времени, поискам «спасения и искупления» [22, с. 146, 145].

Миф как «непосредственно воспринимаемое личностно-историческое бытие» [22, с. 190], как «нарождающееся, зреющее и умирающее самосознание» [22, с. 196] получает своё выражение в слове, которое в качестве слова именно данной личности, её собственного слова, неотъемлемого от неё, есть имя.

В мифе как «сознательно-личностно-словесной форме» [22, с. 199] Лосев находит взаимоотношение двух планов личности – «внешне исторического» и «внутренне замысленного», как бы заданного [22, с. 208], и всякое «совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с её идеальным заданием» [22, с. 217] он определяет как чудо. В этом совпадении не следует видеть «результат тех или других волевых актов человека, например молитвы или подвига» [22, с. 220], чудо как явление личностной, или мифической, целесообразности (в отличие от целесообразности практической) предстаёт как событие, в котором вдруг

открывается «исконная и первичная, светлая предназначенность личности» [22, с. 223].

Миф характеризуется Лосевым как наиболее цельное выражение «того мира, который открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию» [20, с. 773]. В основе каждой культуры лежат те или другие мифы, и в этом смысле Лосев говорит не только, например, о языческой и христианской мифологии, но и о мифологии новоевропейской культуры с её «бездушной механистической вселенной» [20, с. 773] и образом «однородного и бесконечного, пустого и тёмного времени» [22, с. 134] в отличие от многообразных представлений о неоднородности времени в различных религиозно-мифологических системах. Так, время как «алогическая стихия становления» в различных опытно-мифологических системах может осмысливаться как «судьба» или как «воля Божия» – понятия, отброшенные в новоевропейской науке и философии и «беспомощно» заменённые понятием причинности [22, с. 163].

Философия, как и наука в качестве отвлечённого «чистого мышления» не мифологичны, но в своём реальном существовании они всегда имеют под собой определённую мифологию, из внелогического опыта которой они так или иначе, сознательно или неосознанно, исходят, черпая в нём свои изначальные интуиции. Так, геометрия Евклида или механика Ньютона сами по себе не мифологичны, но убеждённость в том, что, кроме пространства евклидовой геометрии или однородного ньютоновского пространства, никаких других пространств не существует, есть уже мифология [22, с. 69]. Так, чистая диалектика триады, которая может присутствовать в любой религии, получает различное содержание в мифологии греческой, индийской и христианской, а в последней – в различном понимании Троицы в православии и католичестве.

Рассмотрение разных типов возможных мифологий происходит у Лосева на фоне формулируемого им понятия «абсолютной мифологии», содержащей в себе все те отдельные принципы, которые односторонне абсолютизируются многочисленными «относительными мифологиями» (восточная и античная мифология природы, новоевропейская мифология «человека и человечества» и т.п.). «Абсолютная мифология есть абсолютное бытие, выявившее себя в абсолютном мифе» [22, с. 245], и таким данным в откровении мифом является для Лосева христианство в его православном понимании. Диалектическая триада идеи (смысла), воплощающей её материи и вещи как синтеза идеи и материи в приложении к представленному в абсолютном мифе тварному инобытию Первосущности (Абсолютной Личности) раскрывается «в пределах этой первозданной мифической сущности» в виде трёх сфер: бесплотный (но не бестелесный) «невидимый мир ангельский», «видимый мир, космос, природа, неодушевлённый мир, растения и животные» и 3-я сфера, синтезирующая первые две, – человек [22, с. 515–516]. Считая ангельский мир «умных сил», осмысливающих и оформляющих всё дальнейшее инобытие, диалектической

необходимостью абсолютной мифологии, Лосев отмечает его модификации в различных типах относительной мифологии: неотличимость ангелов от божественной сущности в язычестве и их имманентный миру характер (пантеизм), в трансцендентальной же философии их место занимает вся смысловая сфера, так что «категория Канта, понятие Гегеля, эйдос Гуссерля, гипотеза Когена и Наторпа, несомненно, есть только внутренне опустошённая ангелология» [22, с. 517].

Диалектика абсолютной мифологии характеризуется синтезом понятий, противостоящих друг другу в относительных мифологиях: антиномии веры и знания – в понятии «ведения» (гносиса), субъекта и объекта – в понятии личности, идеи и материи – в понятии субстанции, сознания и бытия – в понятии творчества, сущности и явления – в понятии символа, бесконечного и конечного – в понятии актуальной бесконечности, индивидуализма и социализма – в понятии религии в смысле церкви и т.д. В целом намеченное в «Диалектике мифа» и дополнениях к ней построение абсолютной мифологии осталось, однако, незавершённым.

Эстетика

Выражение, высшей формой которого является «личность, данная в мифе и оформившая своё существование через своё имя» [42, с. 39], – исходное понятие эстетики Лосева. Символическая природа выражения как единства внутреннего и внешнего, смысла и его «алогически-материального» воплощения конкретизируется в понятии «художественной формы» (художественного образа) как «принципиального равновесия логической и алогической стихий», их полного взаимопроникновения («случайность, данная как абсолютное, и абсолютное, данное как случайность, при полном и абсолютном тождестве их» [42, с. 45, 198]). Присутствующую в художественной форме «адекватную выраженность смысла» Лосев называет первообразом, так что сама эта форма предстаёт как «энергичное становление первообразом самого себя». В «антиномиях адекватности» художественная форма раскрывается у Лосева как синтез свободы и необходимости («ибо она – свободно отдающий себя в послушание первообразу проводник»), а также сознательного и бессознательного: первообраз, служащий прообразом художественной формы и бессознательным критерием её конструкции, впервые «творчески и энергично» создаётся самой художественной формой и осознаётся в этом творческом процессе («сознательное становление неосознаваемой глубины и смысла первообраза» [42, с. 110]). В качестве собственного неотличимого от неё и потому невыразимого первообраза художественная форма, выражая самоё себя, есть вместе с тем «выражение невыразимого».

Философия музыки

Основоположник философии музыки в России, Лосев рассматривал музыку как искусство времени, понятого как «становящийся подвижной покой», «алогическое становление числа», и соответственно видел в ней выражение «жизни числа» [42, с. 509, 543, 549]. В основе «чистого музыкального бытия» лежит «принцип нераздельной органической слитости взаимопроникнутых частей бытия» [42, с. 441], здесь нет изолированных тонов, аккордов и т.д., все они переходят друг в друга и воспринимаются как «нечто цельное» и в то же время «текуче-бесформенное» [42, с. 421]. Время в музыке не уходит в прошлое и предстаёт как сплошное «длительно-изменчивое» «вечное настоящее» [42, с. 492]. Музыкальное становление строится по принципу «всё во всём»: любая его точка может считаться и началом, и концом, и центром, но в своём «динамическом тяготении» ко всем бесконечным моментам этого становления она являет собой некое «искание», уже изначально замкнутое в этой бесконечности и как бы обращённое на себя самого. Музыкальное бытие есть «слияние противоположностей» [42, с. 422], «самопротивоборство субъект-объектного единства» [42, с. 455], а музыкальная истинность – обоснованное в самом себе «самоутверждение общей музыкальной идеи, неизменно становящейся как живое самопротиворечие» [42, с. 467]. «Смысловая фигурность числа» [42, с. 545] вносит в эту «сплошную текучесть» начало порядка, которое воплощается в звуковысотной системе (лад) и метроритмической структуре.

Музыка занимает особое место в проводимой Лосевым классификации искусств: воплощая «алогическое становление» как таковое, тот «извечный плодотворный хаос, из которого вырастает всякое оформление и всякое художество», она ближе всего стоит к первопринципу художественности вообще (в этом Лосев солидаризируется с оценкой музыки А. Шопенгауэром [42, с. 256–258]).

Пифагорейско-платоновское наследие в истолковании музыки сочетается у Лосева с литературно-философской традицией романтизма, прежде всего в «словесной транскрипции» смысловой сущности конкретных произведений – Р. Вагнера и А.Н. Скрябина, Л. ван Бетховена, Ф. Листа, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова и др. («музыкальный миф», в возможных бесчисленных словесных вариантах которого раскрывается заданная произведением «единая и единственная» структура его переживания).

Философия культуры

В анализе и интерпретации культуры Лосев разделяет лежащее в её основе «внутренне-опытное» мироощущение, базирующееся на некоторой исходной интуиции, и его осознание («миросозерцание» [42, с. 782–783]), которое в развитом «отвлечённо-философском» формулировании так или

иначе «формально содержит всегда всю градацию бытия, логически необходимую для него, независимо от тех специфических интуиций, на которых оно вырастает» [37, с. 358]). Это позволяет Лосеву утверждать, например, «существенное тождество конструктивно-логической системы» антично-средневекового платонизма и немецкой философии начала XIX в. при всём различии и даже противоположности их с «опытно-мифологической» точки зрения [42, с. 252].

Основой античного миропонимания Лосев считает интуицию живого прекрасного человеческого тела, которая оформилась в представлении о космосе как живом одушевлённом существе, своего рода совершенном произведении искусства (учения о числе, мере, ритме и гармонии стихий, его составляющих). Пластическая интуиция бытия определила «телесность античного классического идеала», его «скульптурный» характер и связанную с этим «эстетику числовой гармонии» [26, с. 141]. Лосев отмечает характерную для античности своеобразную диалектику фатализма и героизма, неотвратимой судьбы и свободного поступка героя, независимо ни от чего преследующего свою цель [34, с. 317].

В своём философском истолковании античности как целостного исторического типа культуры Лосев во многом опирался на опыт осмысления её в немецкой философии и эстетике конца XVIII–XIX вв. (И.И. Винкельман, Фр. Шиллер, Ф. Ницше и особенно Ф.В. Шеллинг с его концепцией символа и мифа и Г.В.Ф. Гегель с его учением о классической – античной – художественной форме как «взаимоприспособленности», «равновесном отождествлении “духа” и “тела”» [41, с. 22–26, 37]). Этот философский подход Лосев сочетает с конкретным физиогномическим описанием самобытных реалий античной культуры, высоко оценивая опыт такого описания, представленный Шпенглером [41, с. 38–64]. В своём стремлении передавать индивидуальные «лики бытия» [41, с. 703] Лосев создаёт, например, выразительные словесные портреты таких характерных представителей античной культуры, как Сократ, эпикуреец или скептик [27, с. 79–82; 30, с. 303, 387–389].

В отличие от внеличного «одушевлённо-разумного» космологизма античности средневековая культура исходит из монотеистического принципа Абсолютной Личности [34, с. 314–318], т.е. прежде всего из интуиции «абсолютного самосознания и свободы», заменяющей «античную концепцию Рока» [39, с. 321].

Основу новоевропейской культуры составляет, по Лосеву, «абсолютизация человеческого субъекта»: «трансцендентные реальности» превращаются в субъективные идеи, актуальная бесконечность средневекового Абсолюта (Бога) сменяется потенциальной бесконечностью вечно ищущей человеческой личности. Начало этого процесса знаменует собой эпоха Возрождения с её «артистическим индивидуализмом» и «аморальным трагизмом» [24, с. 412, 445], «перенесением смысла и ценности всего бытия на человеческую личность» [39, с. 689]. «После Возрождения мир вещей

стал признаваться лишь в меру своей осознанности... пережитости, воспринятости» [19, с. 66]. «В бытии объекта допускается то, что соизмеримо с субъектом, т.е. с рассудком (тогда – математическое естествознание) или с чувством (тогда – романтизм) или с волей (тогда – техника и революция) и т.д.» [39, с. 690].

Музыка, бывшая в Средние века лишь «пьедесталом» для религиозной жизни, в своём самостоятельном существовании рассматривается Лосевым как трагическая попытка воссоздать «субъективно-божественное самоощущение», руководствуясь «абсолютным произволом внутреннего самоопределения» [18, с. 118, 123]. В «музыкальном восторге», требующем лишь «внутренне-ощутительной собранности» и «культурного утончения» (они могут совмещаться с любым поведением и любой моралью), Лосев видел доступную для секулярной культуры Нового времени замену «сверх-умного экстаза» и реального телесно-душевного «преображения» человека, которые достигаются подвижнической практикой молитвенного «умного делания» [18, с. 148–150].

При всей «несоизмеримости» средневекового христианства с античным язычеством Лосев тем не менее отмечает их общие черты (прежде всего «абсолютный объективизм») в сопоставлении с «субъективистической» новоевропейской мифологией и культурой, кульминацией которой явились романтизм и идеализм конца XVIII в. – начала XIX в. Противопоставляя «антично-средневековый» и новоевропейский (гегелевский) типы диалектики, Лосев формулирует различие между ними как «различие стационарного и эволюционного типа». Первый «исходит из представления о бытии как законченном, совершенном и самодовлеющем, идеальном устройении, будь то космос или универсальная Личность»; это «диалектика ниспадения и восхождения», «круговращения бытия», изначально уже данного. Новоевропейская же диалектика, исходящая из «интуиции вечного становления», даёт «эволюцию бытия по некоей прямой линии», «нарастание всё большей и большей цельности», изначально отсутствующей. Соответственно понятия в антично-средневековой диалектике «не выстраиваются в одну линию», как, например, у Гегеля и Фихте, но «концентрируются вокруг одного центрального понятия» [39, с. 94–96].

В числе выделенных в Дополнении к «Диалектике мифа» трёх основных типов культуры и «мифологического творчества» наряду с «авторитарным» (восточным и антично-средневековым) и «либерально-гуманистическим» (новоевропейским) упоминается и коллективистский «социалистически-материалистический» тип (социализм как «инобытийный синтез феодализма и капитализма», который в своей перспективе «диалектически переходит в анархизм» [22, с. 349, 404]).

Наследие А.Ф. Лосева

Уже первые работы Лосева получили высокую оценку в статьях С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (Париж, 1928) как необычайный по своим масштабам опыт построения самобытной философской системы на основе традиций древнегреческой и немецкой философии. Так, Франк в своём отклике на «Философию имени» отмечал, что по сложности и «тонкости работы абстрактной мысли после “Феноменологии духа” Гегеля едва ли найдётся много философских построений, подобных системе Лосева» [50, с. 515].

Возвращение Лосева в послесталинские годы в публичное пространство советской гуманитарной науки (прежде всего в качестве признанного авторитета в области исследования античной философии и культуры) сопровождалось постепенным возрастанием интереса к его ранним произведениям 1920-х гг., остававшимся под негласным запретом вплоть до 1980-х гг. Переиздание их, начавшееся в 1990-х гг., и публикация работ Лосева 1930–1940-х гг., хранившихся в его архиве (в т.ч. «Самое само», «Вещь и имя», «Диалектические основы математики» и др.), позволили дать целостное представление о его творчестве, различные аспекты которого стали предметом рассмотрения в статьях и монографиях, на посвящённых ему многочисленных конференциях, состоявшихся как в России («Лосевские чтения» в Москве и других городах), так и за рубежом (Колумбус, Огайо, США, 2002; Бордо, Франция, 2008). В 2004 г. в Москве была открыта Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».

В качестве представителя последнего поколения Серебряного века русской культуры Лосев выступает своего рода «русским Проклом»¹, одним из тех «завершительных, резюмирующих умов», которые появляются «в конце великих эпох для того, чтобы привести в систему вековую работу мысли» [46, с. 6]. Уникальной особенностью развитой Лосевым православной религиозной философии (символическая интерпретация восходящего к исихазму «православного энергетизма», выявление философских импликаций и историко-культурных последствий, обусловленных догматическими расхождениями православия, католичества и протестантства и др.) является «совмещение Откровения (и мистического опыта) с деятельностью Разума» [11, с. 928], с «категориально-диалектической» проработкой. Идеи Лосева сохраняют свою актуальность в различных ветвях современного знания, в частности в контексте лингвистического поворота в европейской философии XX в. («эвристические потенции» лосевской философии языка в преодолении односторонних концепций языка в феноменологии и аналитической философии [14, с. 77–79]), обращения к мифу как самобытной форме миропонимания (в работах Э. Кассирера, К.Г. Юнга, Х. Блюменберга, К. Хюбнера и др.). Философия музыки Лосева представляется «самой лучшей в 20 веке» [54, с. 583].

¹ В.П. Троицкий.

Внутренняя динамика диалектических построений Лосева с характерным для него «самопротивоборством» делает проблематичной однозначную оценку его системы. Так, В.В. Бибихин, полемизируя с С.С. Аверинцевым, усматривающим в мысли Лосева «императив жёсткого, неумолимого единства, по закону которого самонаименованные черты “целостного лика” и “мировоззренческого стиля” должны были диалектически выводиться из некоего исходного принципа» [3, с. 426], исходит при этом из того, что «Лосев весь в открытом вопросе. Всякий Лосев-догматик окажется мифом» [8, с. 681].

Список литературы

1. А.Ф. Лосев: творчество, традиции, интерпретации / Сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2014. 446 с.
2. Абсолютный миф Алексея Лосева: сб. ст. / Сост. А.А. Тахо-Годи, Л.А. Гоготиишвили, А.Т. Казарян. М., 1994. 192 с.
3. Аверинцев С.С. Мировоззренческий стиль: подступы к явлению Лосева // *Философия не кончается...: из истории отечественной философии XX в.: в 2 кн. Кн. 1: 20–50-е гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 415–427.*
4. Алексей Федорович Лосев / Под ред. А.А. Тахо-Годи и Е.А. Тахо-Годи. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
5. Алексей Федорович Лосев: библиографический указатель: к 120-летию со дня рождения / Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко; отв. за вып. В.В. Ильина. М., 2013.
6. Алексей Федорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе / Изд. подгот. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкий. М.: Русский мир, 2007. 774 с.
7. Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев; Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2004. 415 с.
8. Бибихин В.В. Двери жизни // *Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 670–683.*
9. Гоготиишвили Л.А. Лестница Иакова: архитектура лингвофилософского пространства / Сост., автор вступ. статьи и примеч. И.Н. Фридман; отв. ред. С.В. Федотова. М.: Языки славянских культур, 2021. 616 с.
10. Гоготиишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
11. Гоготиишвили Л.А. Платонизм в Зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // *Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 922–942.*
12. Гоготиишвили Л.А. Ранний Лосев // *Философия не кончается...: из истории отечественной философии XX в.: в 2 кн. Кн. 1: 20–50-е гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 428–456.*
13. Гоготиишвили Л.А. Религиозный статус языка // *Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль: Рос. открытый ун-т, 1993. С. 906–923.*
14. Гоготиишвили Л.А. Эйдетический язык, говорящая вещь и многослойность смысла (к определению конструктивного ядра и эвристических потенций философии языка А.Ф. Лосева) // Алексей Федорович Лосев / Под ред. А.А. Тахо-Годи и Е.А. Тахо-Годи. М.: РОССПЭН, 2009. С. 77–118.

15. *Доброхотов А.Л.* «Волны смысла», или генология А.Ф. Лосева в трактате «Самое само» // *Доброхотов А.Л.* Избранное. М.: Территория будущего, 2008. С. 337–356.
16. *Зенкин К.В.* Музыка. Эйдос. Время. А.Ф. Лосев и горизонты современной науки о музыке. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 462 с.
17. *Лосев А.Ф.* «Мне было 19 лет...»: Дневники. Письма. Проза. М.: Русские словари, 1997. 340 с.
18. *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...»: в 2 т. Т. 1. М.: Время, 2002. 576 с.
19. *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...»: в 2 т. Т. 2. М.: Время, 2002. 688 с.
20. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль: Рос. открытый ун-т, 1993. 958 с.
21. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя; Самое само / Подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 573 с.
22. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / Сост., подгот. текста, вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого, коммент. В.П. Троицкого. М.: Языки славянских культур, 2021. 695 с.
23. *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. 797 с.
24. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1982. 479 с.
25. *Лосев А.Ф.* Имя: Избр. работы, пер., беседы, исслед., арх. материалы / Сост., общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. XXI, 614 с.
26. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 1: Ранняя классика. М.: Высшая школа, 1963. 584 с.
27. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 2: Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. 716 с.
28. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 3: Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 600 с.
29. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 4: Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
30. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 5: Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 816 с.
31. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 6: Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. 766 с.
32. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 7: Последние века. Кн. 1. М.: Искусство, 1988. 416 с.
33. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 7: Последние века. Кн. 2. М.: Искусство, 1988. 448 с.
34. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М.: Искусство, 1992. 656 с.
35. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М.: Искусство, 1994. 604 с.
36. *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. 719 с.
37. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
38. *Лосев А.Ф.* На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х гг. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 1084 с.
39. *Лосев А.Ф.* Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: Языки славянских культур, 2016. 728 с.
40. *Лосев А.Ф.* Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 2 / Сост., вступ. ст. и коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: Языки славянских культур, 2016. 520 с.
41. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.

42. Лосев А.Ф. Форма-Стиль-Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.
43. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э. М.: Изд-во МГУ, 1979. 416 с.
44. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. 623 с.
45. Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки»: переписка лагерных времён. М.: Русский путь, 2005. 261 с.
46. Лосева В.М. Предисловие // Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. С. 6-23.
47. Оболевич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование / Пер. с польск. Е. Твердисловой. М.: ББИ, 2014. х + 443 с.
48. Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев – философ имени, числа, мифа // А.Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения / Сост. Ю.Ф. Панасенко. М.: Наука, 1991. С. 3-24.
49. Тахо-Годи А.А. Жизнь и судьба: Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2009. 691 с.
50. Тахо-Годи А.А. Лосев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2007. 535 с.
51. Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917-1919. М.: Модест Колеров, 2014. 365 с.
52. Троицкий В.П. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева: Русский Прокл. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2022. 441 с.
53. Философ и его время. К 125-летию со дня рождения А.Ф. Лосева: XVI Лосевские чтения, 17-20 октября 2018 г. / Сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Макс-Пресс, 2019. 823 с.
54. Холопов Ю.Н. Философия А.Ф. Лосева и перелом в музыке XX века // Культура в эпоху цивилизационного слома: Материалы Международной научной конференции, 12-14 марта 2001 г., Москва. М.: Прометей, 2001. С. 580-583.
55. Хоружий С.С. Арьергардный бой // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии: учебное пособие. СПб.: Алетейя, 1994. С. 209-253.
56. Denne M. The Place and Role of Husserlian Phenomenologie in Aleksei Losevs Philosophy // Russian Studies in Philosophy. 2005. Vol. 44. No. 1. P. 33-43.
57. Haardt A. Husserl im Russland: Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Špetu. Aleksej Losev. München: Fink, 1993. 263 S.
58. Philosophische und soziologische Veröffentlichungen. Bd. 30: Die Philosophie des Mythos von Aleksej Losev im Kontext "Russischer Philosophie". Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. 219 S.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

Yuri POPOV

Specialist of the department of preparation of manuscripts for publication.
RAS Institute of Philosophy.
Gonchamaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: popovy@mail.ru

LOSEV ALEXEI FEDOROVICH

Alexei Losev (10[22].09.1893, Novocherkassk – 24.05.1988, Moscow), Russian philosopher, philologist and writer, is the creator of a unique religious-philosophical system, which combines the reinterpreted tradition of ancient and medieval thought (Plato and Neoplatonism, Christian apophatic theology of Dionysius the Areopagite, Gregory Palamas, Nicholas of Cusa), the methodology of New European philosophy (German classical idealism, neo-Kantianism, phenomenology of E. Husserl) and the problems of New European philosophy (German classical idealism, neo-Kantianism, phenomenology of E. Husserl) and the problems of Russian religious philosophy of the late 19th and early 20th centuries, from V.S. Solovyov (the idea of universalism) to P.A. Florensky. In the constructive design of Losev's system the central place is occupied by dialectics, in the multidimensional construction of which each category and all of them together are worked out in the light of each other. Losev's personalistic ontology is the basis of his philosophy of language (naming as an interpretative-communicative self-discovery of personality), philosophy of myth as a distinctive form of personal worldview (myth as directly experienced and created reality, symbolically expressed), and aesthetics (artistic form is "personality as symbol and symbol as personality"). Losev was the founder of the philosophy of music in Russia. His multi-volume history of ancient aesthetics represents the history of the entire ancient culture revealed in its symbolic-expressive aspects. The works of Losev, a representative of the last generation of the Silver Age of Russian culture, became a kind of completion of Orthodox religious philosophy in Russia in the 19th and early 20th centuries.

Keywords: Russian religious philosophy, A.F. Losev, philosophy of myth, philosophy of name, language, dialectics, personality, personalism, symbol, ancient aesthetics

References

1. *A.F. Losev: tvorchestvo, traditsii, interpretatsii* [A.F. Losev: Creativity, Traditions, Interpretations], ed. E.A. Takho-Godi. Moscow: Vodolei Publ., 2014. 446 pp. (In Russian)
2. *Absolyutnyi mif Alekseye Loseva* [The Absolute Myth of Alexey Losev], eds. A.A. Takho-Godi, L.A. Gogotishvili, A.T. Kazaryan. Moscow, 1994. 192 pp. (In Russian)
3. *Aleksei Fedorovich Losev* [Alexey Fedorovich Losev], eds. A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2009. 439 pp. (In Russian)

4. *Aleksei Fedorovich Losev: bibliograficheski ukazatel': k 120-letiyu so dnya rozhdeniya* [Alexey Fedorovich Losev: Bibliographic Index: to the 120th Anniversary of His Birth], eds. G.M. Mukhamedzhanova, T.V. Chepurensko. Moscow, 2013. (In Russian)
5. *Aleksei Fedorovich Losev: iz tvorcheskogo naslediya: sovremenniki o myslitele* [Alexey Fedorovich Losev: from the Creative Heritage: Contemporaries about the Thinker], eds. A.A. Takho-Godi, V.P. Troitsky. Moscow: Russkii mir Publ., 2007. 774 pp. (In Russian)
6. Averintsev, S.S. "Mirovozzrencheskii stil': podstupy k yavleniyu Loseva" [Worldview Style: Approaches to the Phenomenon of Losev], *Filosofiya ne konchaetsya...: iz istorii otechestvennoi filosofii XX v.* [Philosophy Does Not End...: from the History of Russian Philosophy of the XX Century], Vol. 1. Moscow: ROSSPEHN Publ., 1998, pp. 415–427. (In Russian)
7. Bibikhin, V.V. "Dveri zhizni" [The Doors of Life], in: A.F. Losev, *Lichnost' i Absolyut* [Personality and the Absolute]. Moscow: Mysl' Publ., 1999, pp. 670–683. (In Russian)
8. Bibikhin, V.V. *Aleksei Fedorovich Losev; Sergei Sergeevich Averintsev* [Alexey Fedorovich Losev; Sergey Sergeevich Averintsev]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2004. 415 pp. (In Russian)
9. Denne, M. "The Place and Role of Husserlian Phenomenologie in Aleksei Losevs Philosophy", *Russian Studies in Philosophy*, 2005, Vol. 44, No. 1, pp. 33–43.
10. Dobrokhotoy, A.L. "'Volny smysla', ili genologiya A.F. Loseva v traktate 'Samoe samo'" ["Waves of Meaning", or the Genology of A.F. Losev in the Treatise "The Very Self"], in: A.L. Dobrokhotoy, *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2008, pp. 337–356. (In Russian)
11. *Filosof i ego vremya. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya A.F. Loseva* [The Philosopher and His Time. To the 125th Anniversary of the Birth of A.F. Losev], XVI Losev Readings, October 17–20, 2018. Moscow: Maks-Press Publ., 2019. 823 pp. (In Russian)
12. Gogotishvili, L.A. "Ehideticheskiy yazyk, govoryashchaya veshch' i mnogoslownost' smysla (k opredeleniyu konstruktivnogo yadra i ehvristicheskikh potentsii filosofii yazyka A.F. Loseva)" [Eidetic Language, Talking Thing and Multilayered Meaning (to the Definition of the Constructive Core and Heuristic Potentials of A.F. Losev's Philosophy of Language)], *Aleksei Fedorovich Losev* [Alexey Fedorovich Losev], eds. A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2009, pp. 77–118. (In Russian)
13. Gogotishvili, L.A. "Platonizm v Zazerkal'e XX veka, ili vniz po lestnitse, vedushchei vverkh" [Platonism through the Looking Glass of the XX Century, or Down the Stairs Leading Up], in: A.F. Losev, *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993, pp. 922–942. (In Russian)
14. Gogotishvili, L.A. "Rannii Losev" [Early Losev], *Filosofiya ne konchaetsya...: iz istorii otechestvennoi filosofii XX v.* [Philosophy Does Not End...: from the History of Russian Philosophy of the XX Century], Vol. 1. Moscow: ROSSPEHN Publ., 1998, pp. 428–456. (In Russian)
15. Gogotishvili, L.A. "Religiozniy status yazyka" [Religious Status of the Language], in: A.F. Losev, *Bytie. Imya. Kosmos* [Entity. Name. Space]. Moscow: Mysl' Publ., 1993, pp. 906–923. (In Russian)
16. Gogotishvili, L.A. *Lestnitsa Iakova: arkhitektonika lingvofilosofskogo prostranstva* [Jacob's Ladder: Architectonics of the Linguo-philosophical Space], ed. S.V. Fedotova. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2021. 616 pp. (In Russian)
17. Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect Speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 720 pp. (In Russian)
18. Haardt, A. *Husserl im Russland: Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Špetu. Aleksej Losev*. München: Fink, 1993. 263 S.

19. Horujy, S.S. "Ar'ergardnyi boi" [Rearguard Fight], in: S.S. Horujy, *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii* [After the Break. The Ways of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1994, pp. 209–253. (In Russian)
20. Kholopov, Yu.N. "Filosofiya A.F. Loseva i perelom v muzyke XX veka" [The Philosophy of A.F. Losev and the Turning Point in the Music of the XX Century], *Kul'tura v ehpokhu tsivilizatsionnogo sloma* [Culture in the Era of Civilizational Breakdown], Proceedings of the International Scientific Conference, March 12–14, 2001, Moscow. Moscow: Prometei Publ., 2001, pp. 580–583. (In Russian)
21. Losev, A.F. "Mne bylo 19 let...": Dnevnik. Pis'ma. Proza ["I Was 19 Years Old...": Diaries. Letters. Prose]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1997. 340 pp. (In Russian)
22. Losev, A.F. "Ya soslan v XX vek..." ["I Am Exiled to the XX Century..."], Vol. 1. Moscow: Vremya Publ., 2002. 576 pp. (In Russian)
23. Losev, A.F. "Ya soslan v XX vek..." ["I Am Exiled to the XX Century..."], Vol. 2. Moscow: Vremya Publ., 2002. 688 pp. (In Russian)
24. Losev, A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Entity. Name. Space]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 958 pp. (In Russian)
25. Losev, A.F. *Dialekticheskie osnovy matematiki* [Dialectical Foundations of Mathematics]. Moscow: Academia Publ., 2013. 797 pp. (In Russian)
26. Losev, A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k "Dialektike mifa"* [The Dialectic of Myth. Supplement to the "Dialectic of Myth"], eds. A.A. Takho-Godi, V.P. Troitsky. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2021. 695 pp. (In Russian)
27. Losev, A.F. *Ehllinisticheski-rimskaya ehstetika I-II vv. n.eh.* [Hellenistic-Roman Aesthetics of the I–II Centuries AD.]. Moscow: MSU Publ., 1979. 416 pp. (In Russian)
28. Losev, A.F. *Ehstetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 623 pp. (In Russian)
29. Losev, A.F. *Forma-Stil'-Vyrazhenie* [Form-Style-Expression]. Moscow: Mysl' Publ., 1995. 944 pp. (In Russian)
30. Losev, A.F. *Imya: Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name: Selected Works, Translations, Conversations, Researches, Archival Materials], ed. A.A. Takho-Godi. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1997. XXI, 614 pp. (In Russian)
31. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 1. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1963. 584 pp. (In Russian)
32. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 2. Moscow: Iskusstvo Publ., 1969. 716 pp. (In Russian)
33. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 3. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. 600 pp. (In Russian)
34. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 4. Moscow: Iskusstvo Publ., 1975. 776 pp. (In Russian)
35. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 5. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 816 pp. (In Russian)
36. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 6. Moscow: Iskusstvo Publ., 1980. 766 pp. (In Russian)
37. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 7 (1). Moscow: Iskusstvo Publ., 1988. 416 pp. (In Russian)
38. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 7 (2). Moscow: Iskusstvo Publ., 1988. 448 pp. (In Russian)
39. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 8 (1). Moscow: Iskusstvo Publ., 1992. 656 pp. (In Russian)

40. Losev, A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki* [The History of Ancient Aesthetics], Vol. 8 (2). Moscow: Iskustvo Publ., 1994. 604 pp. (In Russian)
41. Losev, A.F. *Lichnost' i Absolyut* [Personality and the Absolute]. Moscow: Mysl' Publ., 1999. 719 pp. (In Russian)
42. Losev, A.F. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Entity]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 919 pp. (In Russian)
43. Losev, A.F. *Na rubezhe ehpokh. Raboty 1910-kh – nachala 1920-kh gg.* [At the Turn of the Epochs. Works of the 1910s – Early 1920s]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2015. 1084 pp. (In Russian)
44. Losev, A.F. *Nikolai Kuzanskii v perevodakh i kommentariyakh* [Nicholas of Cusa in Translations and Comments], Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2016. 728 pp. (In Russian)
45. Losev, A.F. *Nikolai Kuzanskii v perevodakh i kommentariyakh* [Nicholas of Cusa in Translations and Comments], Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2016. 520 pp. (In Russian)
46. Losev, A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 959 pp. (In Russian)
47. Losev, A.F. *Veshch' i imya; Samoe samo* [The Thing and the Name; The Very Self], eds. A.A. Takho-Godi, V.P. Troitsky. St. Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko, 2008. 573 pp. (In Russian)
48. Losev, A.F. *Znak. Simvol. Mif: trudy po yazykoznaniyu* [Sign. Symbol. Myth: Works on Linguistics]. Moscow: MSU Publ., 1982. 479 pp. (In Russian)
49. Losev, A.F., Loseva, V.M. *“Radost' na veky”*: *perepiska lagernykh vremen* [“Joy for Ever”: Correspondence of the Camp Times]. Moscow: Russkii put' Publ., 2005. 261 pp. (In Russian)
50. Loseva, V.M. *“Predislovie”* [Preface], in: A.F. Losev, *Dialekticheskie osnovy matematiki* [Dialectical Foundations of Mathematics]. Moscow: Academia Publ., 2013, pp. 6–23. (In Russian)
51. Obolevich, T. *Ot imyaslaviya k ehstetike. Kontseptsiya simvola Alekseya Loseva. Istoriiko-filosofskoe issledovanie* [From the Onomatodoxy to Aesthetics. The Concept of the Symbol by Alexey Losev. Historical and Philosophical Research], trans. E. Tverdislova. Moscow: BBI Publ., 2014. x + 443 pp. (In Russian)
52. *Philosophische und soziologische Veröffentlichungen*. Bd. 30: Die Philosophie des Mythos von Aleksej Losev im Kontext „Russischer Philosophie“. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. 219 S.
53. Takho-Godi, A.A. *“A.F. Losev – Filosof imeni, chisla, mifa”* [A.F. Losev – Philosopher of Name, Number, Myth], *A.F. Losev i kul'tura XX veka: Losevskie chteniya* [A.F. Losev and the Culture of the XX Century: Losev Readings]. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 3–24. (In Russian)
54. Takho-Godi, E.A. *Aleksei Losev v ehpokhu russkoi revolyutsii: 1917–1919* [Alexey Losev in the Era of the Russian Revolution: 1917–1919]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2014. 365 pp. (In Russian)
55. Takho-Godi, A.A. *Losev* [Losev]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 535 pp. (In Russian)
56. Takho-Godi, A.A. *Zhizn' i sud'ba: Vospominaniya* [Life and Destiny: Memories]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2009. 691 pp. (In Russian)
57. Troitsky, V.P. *Razyskaniya o zhizni i tvorchestve A.F. Loseva: Russkii Prokl* [Searches about the Life and Work of A.F. Losev: Russian Proclus]. Moscow: URSS Publ., LENAND Publ., 2022. 441 pp. (In Russian)
58. Zenkin, K.V. *Muzyka. Ehidos. Vremya. A.F. Losev i gorizonty sovremennoi nauki o muzyke* [Music. Eidos. Time. A.F. Losev and the Horizons of Modern Music Science]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2015. 462 pp. (In Russian)